

УДК 811.161.1'373:070

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-402-417

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ОБРАЗ ШВОНДЕРА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОЦЕНКИ

Е.И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Прецедентные феномены, к которым принадлежат имена героев литературных произведений, весьма характерны для современных публицистических текстов, «заряженных преимущественно отрицательными эмоциями» (В.И. Шаховский), использующих способы косвенной оценки: краткие и выразительные, обладающие широким спектром коннотативных и ассоциативных связей, они становятся эмоционально-оценочной составляющей текста. Колоритная — не только для двадцатых годов XX века — фигура героя повести М. Булгакова «Собачье сердце» Швондера прочно обосновалась в современной галерее прецедентных литературных имен. Русские вычлениют весьма широкий спектр признаков как отдельных личностей и их поведения, так и наблюдаемых социальных явлений, вербализуемых в тексте словами *Швондер* (*Швондеры*), *швондеровщина*, *швондерить* и т.д. Основные векторы осмысления, выявляемые на материале текстов Национального корпуса русского языка и ресурсов сети Интернет, позволяют говорить о тенденции использования имени субъекта как способа указания на проявление в его поведении — и, соответственно, в поведении кого-либо иного — как одной важной черты (Швондер — «ненавистник интеллигенции», «мстительный», «символ мнимой занятости») или на совершенный им характерный поступок, делающий его образ-эталоном (Швондер — «разрушитель старого доброго мира», «реквизитор чужого жилья», «отвергает ценности, накопленные обществом в прошлом» и т.д.). Через сочетание «*Швондер* (*Швондеры*) — *Шариков* (*Шариковы*)» делается акцент на типичности наблюдаемого явления, на идейно-партийной принадлежности и др. Имя Швондера часто выступает в сочетании с именами и иных персонажей повести — в частности, с именами Преображенского и Борменталья, когда современный автор очерчивает конфликт, например, невоспитанности (хамства) и интеллигентности, невежественности и образованности, пустой риторики и реальных действий и т.д. Говорящие находят все новые возможности трактовки образа Швондера и привлекают это имя, как и иные словообразовательные окказионализмы, для выражения своей позиции относительно предмета речи, иронического или пренебрежительного отношения к нему. Вместе с тем прецедентное имя может быть в «новом» тексте семантически диффузным, расплывчатым, но, намагниченное особыми коннотациями, оно служит усилению ироничного, негативного-оценочного звучания вторичного текста и допускает различные трактовки. Даже при отсутствии конкретизирующих слов, раскрывающих доминантную семантику текста, само использование образа Швондера уже гарантирует как минимум высокий накал экспрессии и ощутимую степень негативной оценки.

Ключевые слова: прецедентное имя, М. Булгаков, образ, словообразовательная модель, оценка, коннотация, СМИ

ОБОСНОВАНИЕ

«При любой оценке, количественной или качественной, частной или общей», предметов и явлений окружающего мира говорящий исходит из имеющейся в его распоряжении шкалы оценок и ряда стереотипных средств для их выражения

[1. С. 56]. Одним из таких средств является использование говорящим прецедентных текстов, привлекаемых для «интенционального отождествления неотождествимого» [2. С. 95], но определенным образом сближаемого. Этот прием основан на допущении о подготовленности адресата и соответствующей его интуиции, о совпадении тезауруса читателя, понимаемого в широком смысле как совокупность накопленных человеком знаний, а в узком — как наличие определенных слов в лексиконе, с тезаурусом автора, соотносящего первоначальный контекст, из которого берется цитата, и степень ее маркированности и трансформации при включении в иной текст — с возможностями ее интерпретации в новых условиях [3. С. 353—354].

Рассматривая произведение (текст) как диалог автора со всей предшествующей и современной ему культурой, исследователи пользуются и рядом других терминов: М.М. Бахтин говорит о «чужом слове» и «диалогизме» [4], В.П. Руднев — о «тексте в тексте» [5. С. 308], И.В. Арнольд — об «импликации», «включении», «интертекстуальности», понимая под последней использование в тексте «других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [3. С. 346], целью которого является осязаемое «приращение информации».

Интертекстуальность как «прагматически ориентированный прием» связана с продолжением «посттекстового функционирования» (т.е. вторичного использования. — *Е.С.*) определенных фрагментов первичного текста [6. С. 43], используемых в качестве стереотипов дискурса, или прецедентных текстов. *Прецедентный текст* — это культурный знак особого рода, речевой фрагмент, включаемый в текст, но, как правило, имеющий автора либо узнаваемый источник, не принадлежащий автору изучаемого произведения. Многократно интерпретируемый в различного рода дискурсах, такой текст становится, по Ю.Н. Караулову, «фактом культуры» [7. С. 217].

Исследователями предложены типологии прецедентных текстов, разработанные на основе таких критериев, как протяженность — от слова до пространной цитаты, характер источника, из которого почерпнуты выражения, и связанная с этим индивидуальность/коллективность автора, объем культурных коннотаций¹, способствующих сохранению целостности выражения и представляющих собой преимущественно область имплицитных знаний. К разряду прецедентных относят тексты сказок, мифов и преданий, цитаты из известных произведений художественной литературы и также целые тексты, ставшие хрестоматийными высказываниями известных исторических и политических деятелей и представителей сферы культуры, реплики героев кинофильмов и анекдотов, названия произведений

¹ Под культурной коннотацией мы понимаем, вслед за Н.Г. Брагиной, языковую функцию памяти, обуславливающую узнавание (общий культурный код настоящего) и припоминание (общий культурный код прошлого) слов, словосочетаний в их отношении к определенному типу дискурса — политического, социально-идеологического, философского, религиозного и т.д. [8. С. 44].

искусства и т.д. (см., в частности, [9—11]). Знание прецедентных текстов является свидетельством принадлежности говорящего к определенному культурному сообществу, «тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [7. С. 216].

Г.Г. Слышкин отмечает готовность говорящего обогатить порождаемый им текст «фрагментами из воспринятых ранее текстов или аллюзиями на них» в рамках любого вида дискурса [12. С. 26]. Нередко использование текстовых реминисценций становится особым приемом, характеризующим отдельного индивида или членов некоторого сообщества. В наши дни «способность адресата генерировать новые тексты на базе усвоенных» (Н.Л. Мухелишвили и Ю.А. Шрейдер) — это один из способов, которым активно пользуются, в частности, журналисты², хотя, лишая «чужое» слово возможности быть банальным, журналист рискует остаться непонятым: современный читатель, по мнению исследователей, плохо знаком со сферой культуры [13. С. 76].

В эпоху, когда жесткость оценок, даваемых в публицистике и текстах СМИ, отмечается исследователями как яркая примета времени [14. С. 121], а ирония и сарказм составляют «стилистическую доминанту прессы» (И.П. Лысакова), использование прецедентных текстов становится приемом, позволяющим адресанту «задавать» нужное видение мира, вводить читателя в русло положительной или отрицательной оценки воспринимаемых объектов и ситуаций [15. С. 682]. Прецедентные феномены усиливают общую эмоционально-оценочную тональность медийного дискурса и позволяют автору «установить контакт с читателем путем опоры на общность культурно-языковой компетенции», заменить нежелательную прямую оценку косвенной [16. С. 26].

Разрабатывая проблему прецедентности, Д.Б. Гудков вводит понятия прецедентных феномена, текста, ситуации, высказывания и, наконец, прецедентного имени (ПИ), под которым понимается индивидуальное имя, связанное с широко известным прецедентным текстом и с прецедентной ситуацией, хорошо знакомой носителям языка [17. С. 106]. Семантические свойства ПИ допускают его денотативное (интенциональное) и коннотативное (экстенциональное), т.е. характерологическое, употребление [17. С. 53]. Когнитивную базу лингвокультурного сообщества составляет значительное количество прецедентных имен, участвующих в построении языковой и концептуальной картин мира (ср.: *Наполеон*, *Моцарт* и *Сальери*, *Квзимодо*, *Павка Корчагин*, *Наташа Ростова*, *Печорин* и др.) и входящих в сферу культурно-языковой компетенции носителя определенных языка и культуры: до некоторой степени скрытое содержание, «непроявленное знание в языке» (Н.Г. Брагина), стоящее за прецедентным именем, расшифровывается сведущими членами культурно-языкового сообщества. В этих «окультуренных языковых знаках» (В.Н. Телия), устойчивых и повторяемых, закодиро-

² Можно в качестве примера привести статьи автора журнала «Итоги» Олега Андреева, изобилующие прецедентными текстами; ср. хотя бы подзаголовки «Валькирия и Дон Кихот», «Вы жертвою пали», «Подайте бывшему депутату...», «Суров закон, но...» и др. в двух его статьях: «Запутались в стропах» («Итоги». 2012. № 12 (876)) и «Негнувшийся Шеин» («Итоги». 2012. № 17(828), URL: www.itogi.ru (дата обращения: 10.03.2019).

ван важный квант информации, делающий их весьма удобным — лаконичным и в то же время содержательно-объемным — средством выражения позиции говорящего, его отношения к предмету речи. Важно и то, что стоящее за отдельными ПИ представление о характерных для их носителей моделях поведения, показанных в соответствующих контекстах, участвует в формировании шкалы оценок, отдельные ступени которой могут соотноситься с разными именами. Таким образом, прецедентное имя, избираемое говорящим, может выступать в качестве средства выражения субъективной оценки, ассоциируемой с именем в определенной культуре, нести «дополнительную смысловую нагрузку, представляющую собой результат личностного и социокультурного опыта писателя» [18. С. 96].

Конец XX и начало XXI в. ознаменовались активным интересом к именам собственным, выразившимся уже не столько в выявлении отличий от нарицательных существительных — этот вопрос затрагивался и ранее [19—21], — сколько в обращении к вопросам о прагматическом назначении антропонимов [22], их эстетических и экспрессивных свойствах, функционально-стилистической нагрузке и текстообразующей роли [23; 24], их лингвокультурологических особенностях [25; 26] и, конечно, об их роли во «вторичных текстах» — художественных и публицистических [27—29 и др.].

Имена персонажей произведений М. Булгакова, занимающие видное место среди прецедентных антропонимов, весьма востребованы в современных публицистических текстах: например, имя Понтия Пилата — как «поступившегося своей честью» и умывающего руки при любом исходе дела³; имя Воланда, олицетворяющего зло, но творящего справедливость и способного навести социальный порядок, наказать жуликов⁴ и т.д.

Повесть «Собачье сердце» воспринималась в свое время как памфлет на современность во многом благодаря образам Швондера и Шарикова — недалеких, неинтеллигентных, агрессивных, но весьма преуспевающих, олицетворяющих «низший уровень тоталитарной власти»⁵. Эти имена и производные от них и сегодня востребованы носителями языка — в переплетении разнообразных семантико-ассоциативных связей.

³ «Тут мне припоминается давний разговор с одним академиком. Он мне сказал: „А что ж, батюшка, в нём вы находите непонятого? Вот уж где воистину никакой загадки нет. У нас, например, в нашем просвещении такими *Пилатами* хоть пруд пруди. Это типичный средний чиновник времён империи. Суровый, но не жестокий, хитрый и знающий свет. В вещах малых и бесспорных — справедлив и даже принципиален, в вещах масштабом покрупнее — уклончив и нерешителен“» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

⁴ Ср.: «Попробуй призвать к порядку игрока, который жульничает да другом континенте! Потребовался Воланд, который пришел бы к выводу, что среди жителей Норрата есть мошенники и навел бы порядок с помощью высшей силы. Высшая сила нашлась в лице компании Verant, владеющей серверами, на дисках которых в цифровом виде живет Норрат» [Анна Майорова. Виртуальное отечество в опасности. Неполадки в экономике игрушечной страны ведут к реальному мошенничеству (2002) // «Известия», 2002.10.22]. Ср. также название статьи: «Воланд жил! Воланд жив! Воланд будет жить! [Александр Мешков. «Комсомольская правда». 2013.11.08].

⁵ Булгаковская энциклопедия (БЭ). URL: <http://www.bulgak.ru/encyclopaedia/61-s/388-sobache-serdtse-повест.html> (дата обращения: 12.03.2019).

РЕЗУЛЬТАТЫ НАБЛЮДЕНИЙ

Обратимся в первую очередь к собственному имени Швондер и кругу связываемых с ним современными носителями языка ассоциаций.

1. Швондер воспринимается как человек, выполнявший определенный **круг должностных обязанностей**, в число которых входила, по М. Булгакову, и реализация решений домкома по уплотнению квартир отдельных жильцов⁶. Наиболее яркой и весомой кажется в повести «Собачье сердце» сцена его появления во главе депутации, явившейся осуществить в отношении профессора Преображенского решение домкома, согласно которому профессор, проживающий в квартире из семи комнат, должен добровольно поступиться частью из них, чему тот решительно противится.

Сейчас имя булгаковского «реквизитора» напрямую связывается с акциями по **изъятию или перекраиванию жилой площади, находящейся в чужой собственности**. Ср.:

«Я почувствовал себя неуютно в этом выморочном доме. Понимал ли сам Стивенс всю двусмысленность и нелегитимность своего проживания в *реквизированном швондерами особняке*? Теперь радушное палаццо казалось мне сумрачным английским замком, где по ночам бродят души его бывших владельцев» [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000—2002)].

«„Швондер за швондером“ пытались реквизируют в свое время дом М. Волошина в Крыму — бесплатный санаторий для деятелей культуры. Как пишет А. Мелихов, это была лишь одна из многих попыток унижить поэта „под властью наливающих силой шариковых и швондеров“» [Александр Мелихов. Земля добровольного изгнания // Октябрь. 2001].

Речь в анализируемых контекстах, однако, идет не только о давних, исторических акциях: *швондерами* именуют тех, кто и в наши дни **ратует за весьма сомнительные по своей целесообразности «квартирные» проекты** или **проявляет неоправданное рвение** в их осуществлении, **с ущемлением прав других людей**.

«Так, нашлись в свое время желающие обсудить „квартирный вопрос“ А.А. Собчака: „Недавно после трехлетних хлопот наконец-то удалось поменять квартиру... а то в прежней 5-метровой ели по очереди. <...> И хотя я, как кандидат наук, и муж, как профессор, имеем право на дополнительную площадь, нашлись новоявленные „швондеры“ и „шариковы“, развернувшие очередную кампанию против Собчака. Перегородим одну из комнат, может, получится небольшой кабинет — первый в жизни! — для мужа» [Людмила Нарусова, Анастасия Ниточкина. «Боюсь сгладить...» // Огонек. 1991. № 5].

Отсылка к образу булгаковского героя осуществляется и в статье писателя В. Невинского под названием «Наш ответ товарищу *Швондеру*»⁷, описывающего

⁶ Проводимое Швондером в Калабуховском доме «уплотнение» становится чуть ли не термином — ср. его употребление в следующем контексте: «Уплотнение по-швондеровски» [Круги коммунального рая // «Новая газета». 6.11.2003. URL: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/1020/> (дата обращения: 14.03.2019)].

⁷ URL: <http://mspu.org.ua/pulicistika/14273-nash-otvet-tovarischu-shvonderu.html> (дата обращения: 27.02.2019).

ситуацию, которая наблюдалась в Москве в 2016 г. в связи с попыткой лишить Международное сообщество писательских союзов недвижимого имущества, что представлялось самому сообществу «незаконным, необоснованным и подлежащим отмене». В тексте, адресованном представителю Следственного комитета, комментируются детали осуществляемой акции и подвергается сомнению ее целесообразность. При этом отрицательная оценка действий следственных органов выражена в том числе через цитирование ответа профессора Преображенского инициатору обращения — «Швондеру»: «Товарищ генерал, вы же как человек, несомненно, начитанный (в отличие от некоторых ваших коллег, но об этом чуть позже), не можете не уловить некое дежавю. Ведь это уже было! Было предложение “оперировать в столовой, обедать в спальне, а гостей принимать в коридоре”. Гений Михаила Афанасьевича уже не в чести?». Парадоксальность, по М. Булгакову, такого варианта развития событий и закономерный категорический отказ от него Преображенского проецируются автором на актуальную ситуацию наших дней, включаются им в иронический в целом ярко-эмоциональный контекст.

Обобщающее «швондеры» еще более усиливает аксиологическое звучание контекста, особенно в сочетании с целым рядом выразительных лексических средств, фразеологических оборотов и прецедентных текстов. Ср.:

«Среди парадных особняков новых русских в посёлке Рублевка-2 сиротливо ютятся чистенькие, но бедненькие музеи⁸ Пастернака и Чуковского... Попытка откусить от писательского зачерствевшего пирога основана на чудовищном постулате о том, что нынешняя организация писателей не является правопреемником Союза писателей СССР. Это подленькое допущение вызывает следующий риторический вопрос: простите, а назовите тогда общественную организацию, которая является таким правопреемником. Нет такой? То есть... великий Михалков долгие годы руководил организацией, ничего общего не имеющей с возглавляемым им ранее СП РСФСР? Как горько, что „швондеры“ уже не смогут сказать ему об этом в лицо!».

Иронично звучит и заключительная фраза, в которой В. Невинский не случайно, на наш взгляд, использует весьма противоречивое — в свете подчеркнутого использования Швондером формы *товарищ* вместо социально-окрашенного и потому неприемлемого для него *господин* — обращение *господа-товарищи швондеры* (уже без кавычек!), сочетая его с призывом: «Не берите грех на душу, не заколачивайте последний гвоздь в домовину писательского объединения. Последующие поколения вам этого не простят».

В иронично-оценочном ключе действия адресата письма-статьи и его представителей, названных нарицательным «швондеры», характеризуются и за счет привлечения иных фразеологических средств: *половить рыбу в мутной воде* — ‘извлечь очевидную пользу для себя’ во время осуществления данной акции. Оборот *выбить* (у писателей. — Е.С.) *из-под ног экономический фундамент* образован от узуального *выбить почву из-под ног* (у кого) со значением ‘Разг. Лишать

⁸ Отсылка к анекдоту о новом русском, побывавшем в Государственном Эрмитаже и оценившем его коротко и недвусмысленно: «бедненько, но чистенько».

кого-л. уверенности, поддержки, опоры в каком-л. деле⁹ и приравнивается автором текста к перспективе «погубить писательскую организацию в целом». Фразеологизм «*раскачивать общую лодку, у руля которой сидят в том числе и российские писатели*», т.е. «производить действия, способные ухудшить имеющееся положение» (ср.: «Публ. Неодобр. 2. Обострять, усложнять какую-л. конфликтную ситуацию»¹⁰). Комментируя проигранное Росимуществом противостояние писательской организации, автор расценивает последний из предпринятых Следственным комитетом шагов следующим образом: «Аргументы закончились, и единственное желание — *посильнее хлопнуть дверью* на прощанье, „и в гроб сходя, благословить...“». Невольно и здесь напрашивается аналогия между последовавшими за первым знакомством с Преображенскими действиями Швондера, не простившего профессору своей беспомощности в решении вопроса об уплотнении, и описываемыми акциями по лишению писательского союза арендуемых помещений. Семантика фразеологизма *хлопнуть дверью* («Разг. Демонстративно, с возмущением удалиться откуда-л.»¹¹) косвенным образом характеризует причины совершенно неуместного и несвоевременного изъятия документов организации, приравниваемого к демонстративному выражению недовольства.

Хотя в тексте М. Булгакова не было речи о выгодах, получаемых лично товарищем Швондером и его соратниками, неправомочность предпринятых им шагов по уплотнению чужих квартир в Калабуховском доме порождает в наши дни **сомнения в бескорыстности людей, называемых швондерами:**

«Образования с внушительными менами „кондоминиум“ и „товарищество собственников жилья“ имеют в нашей стране, мягко говоря, непрестижную родословную — поскольку произошли прямым от домовых комитетов, так живо описанных великим мастером в „Собачем сердце“. Особенно уместны аналогии с *товарищем Швондером*, когда речь идет о ТСЖ, создаваемых во вновь построенных домах самими застройщиками. *Должность председателя* такого образования *получает „свой“ человек*, а головную боль от его деятельности — все остальные жильцы» [Евгения Ленц. Соло на водопроводной трубе // Бизнес-журнал. 2004.02.13].

Такое семантическое развитие объясняется тем, что, по М. Булгакову, Калабуховский дом и его обитатели совершенно не нуждались в каком-либо руководстве и контроле со стороны: раньше не гас свет, не пропадали галоши и ковры на лестницах и т.д. — для решения бытовых проблем было достаточно одного швейцара Федора. Потому и сейчас попытка внедрить в административный «организм» под каким бы то ни было предлогом новое контролирующее звено ассоциируется со Швондером и воспринимается как нежелательное, как **попытка заработать легких и неоправданных денег и создать неудобства для других:**

«Ну, кто захочет воспроизводить опыт коллективного домопользования коммунальной квартиры — да еще в масштабах всего дома? А вот объединение домовла-

⁹ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 529.

¹⁰ Там же. С. 368.

¹¹ Там же. С. 175.

дельцев — совсем иное дело. Заметим, что ни один коттеджный поселок сам еще не породил ДЭЗа, РЭУ или даже местного домоуправа. *Призрак Швондера* изгоняется из поселка именно коллективными действиями домовладельцев, ясно осознающих, что один рубль их затрат — это вода, канализация, газ и электричество, увеличивающие индивидуальную стоимость имущества каждого из них на два, а то и три рубля» [Тимофей Бахвалов, Евгения Ленц. Частные проблемы частного сектора // Бизнес-журнал. 2004.02.13].

В таком же ракурсе — в связи с несправедливым обогащением «самоназначенного» председателя и членов правления садового товарищества «Парус» — упоминается имя Швондера в комментарии к тексту, автор которого задается вопросом:

«Поселок Приморский — кто его только не *грабил* и не прокайфовывал в последнее время? Одно время мне казалось, что местная *швондерятина* хочет сделать из поселка место, в котором и старость можно достойно встретить, и родственников-гостей принимать. <...> *Швондеры* оказались на редкость *брехливыми* и *сыкливыми* чистокровными *подонками*. <...> *Жулики* от власти, выбранные самим народом...» [Как стать миллионером // KAFAblogs. 17.02.2019. URL: <http://blogs.kafanews.com/blog/3504.html>].

Трудно усомниться в тональности звучания данного текста и предельно негативной оценке совокупности людей, названных собирательным существительным *швондерятина*.

2. Иной признак, ассоциируемый с образом Швондера, связан с иницируемым им **спевками**: звуки хорового пения доносились до иных жильцов дома и профессором Преображенским воспринимались **как символ мнимой занятости**, а в действительности — праздности, бесполезности, «галлюцинаций», которые нужно, по его мнению, выколотить из голов поющих. Швондер и сейчас продолжает восприниматься как один из таких пустых «певунов». Ср.:

«Базаров не таков, не чета Ситникову и Кукшиной. Те нигилисты как раз *от нечего делать* и легко вообразимы либо членами красногвардейского патруля в „Двенадцати“ Блока, либо участниками *революционных спевков у Швондера* в „Собачьем сердце“ М. Булгакова. <...> *Внутреннюю пустоту* — следствие подобной философии — нужно чем-то заполнить, иначе не избавиться от скуки» [Валерий Мильдон. Единица — вздор, единица — ноль. Тургенев и Ницше — образы нигилизма // Октябрь. 2002].

Проводимая параллель и словосочетания *внутренняя пустота, от нечего делать* указывают вектор осмысления образа Швондера — с акцентом на отсутствии целей, конкретного направления деятельности.

3. Швондер, по М. Булгакову, — представитель новой власти, принципиально иной, нежели предыдущая, уверенной в правильности своего пути и поступков и **отвергающей** поэтому все **ценности, накопленные обществом в прошлом**. Именно в такой символической функции упоминается имя Швондер в аналитическом тексте Центра военно-политических исследований «*Швондеровцы* в действии». Автор считает, что с сошествием с политической арены в феврале 2010 г.

третьего президента Украины Виктора Ющенко и падением «под ударами активистов Майдана» четвертого президента Януковича Украина «вернулась в эпоху Швондеров»:

«Недолго раздумывая, изменив Конституцию, *пришла новая власть*, которая распределяется не в ходе официального политического процесса, а через систему знакомств, кумовства и корыстных интересов» [URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/40425> (дата обращения: 17.02.2019)].

Автором проводится параллель между недолгими «раздумьями» Швондера и других членов домкома над проблемой поиска нужной им жилплощади для размещения представителей новой власти и беспроblemным изменением в угоду собственным интересам главного документа страны — Конституции. Однако если Швондер в булгаковском тексте, хотя и возглавлял депутацию единомышленников, воспринимался профессором Преображенским во многом как яркий представитель «певунов», а не людей действия, один из идеологов отмечаемой «разрухи в головах», которого он наблюдает в непосредственной близости и который символизирует принципиально иной взгляд на жизнь и место в ней человека, то в данном тексте использование множественного числа — *эпоха Швондеров* (ср. вряд ли возможное словосочетание «в эпоху Пушкиных») — подчеркивает типичность явления: пренебрежительное отношение к закону и законности, приоритет корыстных интересов и проч. Примечательно и слово *вернулась*, указывающее на восприятие автором имени Швондер как некоего историзма, номинирующего явление, принадлежащее прошлому, которое, оказывается, вполне возможно и ныне. Отмечаемое исследователями как свойственное русскому языку употребление прецедентных антропонимов во множественном числе [30. С. 78]¹², приближающее их по функции к именам нарицательным, призвано подчеркнуть типичность подмеченного явления (тенденции), дающего основания для проведенной аналогии.

4. Швондер, с его, похоже, заранее разучиваемыми репликами для общения с представителями интеллигенции, в повести «Собачье сердце» противостоит, значительно **уступая в образованности**, профессору Преображенскому — светилу, совершившему небывалый прорыв в медицинской науке, авторитетному специалисту в своей области. В тексте, посвященном телепередаче на тему «зачем Петра I нелегкая понесла в Англию», организованной для разрешения спорной ситуации, образ Швондера призван подчеркнуть смехотворность участия в обсуждении достаточно узкой проблемы, требующем компетентных мнений, с одной стороны, несведущих присяжных и, с другой стороны, четырех десятков «лучших экспертов СНГ по кораблестроению, мореплаванию, истории и лингвистике. Профессора, академики, заведующие кафедрами, директора кораблестроительных

¹² Ученым приводятся такие иллюстрирующие примеры газетных заголовков: «Современные Раскольниковы убивают кочергой» (Российская газета. 08.11.2005), «Обломовы ныне растут в стесненных жилищных условиях» (РБК. 09.10.2003), «Откуда берутся Обломовы? Как маленького лентяя направить на путь истинный» (Российская газета. 11.11.2008), «Обломовы наоборот» (Новая газета. 22.12.2003), «Нашему обществу не нужны Обломовы, нужны деятельные и энергичные люди» (Московский комсомолец. 02.04.2007) и др. [30. С. 78].

заводов. В этом окружении суд присяжных, состоящий из двух журналистов, одного юриста, одного бывшего футбольного судьи и ведущего программы „Русское лото“, выглядел просто *гвардией Швондера* на фоне профессора Преображенского» [Дмитрий Соколов-Митрич. Реакция на Вассермана. Через неделю вся страна будет знать, что такое теория оболочек // Известия, 2002.01.25]. Столь представительная команда специалистов смутила и выступавшего, ищущего справедливости, но начавшего свою речь «за упокой».

5. Образ Швондера связывается нашими современниками с расстановкой политических сил в определенную эпоху, персонаж видится сквозь призму его **принадлежности к большевистской партии**, с ее идеологическими установками, типичной практикой управления, усиливающимся чиновничьим аппаратом. Ср.: «Отсидится чиновник, а потом властно рявкнет, да так, что демократия растворится в вечернем мареве, и вновь „фельдфебель в Вольтерах“ окажется. <...> Пользуясь сложившейся обстановкой, чиновник приватизировал государство, он является мощной силой большевизма, обеспечивающей ползучий реваншизм. *Партия швондеров, шариковых, шандыбиных, харитоновых*, равно как и коммунистические утопии, заметно слабеет, а вот большевистская практика чиновничье-номенклатурного класса укрепляется и ведет планомерное наступление на свободу». Автор, предлагая начать «освободительную борьбу против диктатуры чиновничества», показывает, каков иной желательный путь формирования «духовно-психологической обстановки в обществе»: через насыщение «новыми ценностями, через образование и культуру, через интеллект» — т.е. через то, в чем армии чиновников автором отказано [Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 2 (2001)].

Объединение же «швондеров и шариковых» с реальными политиками «шандыбинскими и харитоновыми» — депутатами Госдумы от КПРФ — обращает читателей уже к нашим дням и подчеркивает вневременность определенных тенденций и социальных явлений.

6. «Чуждые идеи счета», но отнюдь не редкие в форме множественного числа в современных текстах масс-медиа, имена собственные выступают в качестве эталонов, ассоциируемых лишь с определенным набором признаков, отбираемых из большего числа, — с необычным, поражающим поступком, наиболее яркой чертой характера, запоминающимся высказыванием оригинального содержания и т.п. «Обломов оказывается только лентяем, Раскольников — молодым человеком, убившим старушку, Анна Каренина — женщиной, бросившейся под поезд. Разумеется, образ каждого из данных персонажей гораздо глубже и многограннее» [30. С. 78].

Интенциональное использование прецедентного имени Швондер может, как мы показали выше, служить для характеристики одного из аспектов сложившейся ситуации, назревшей социальной проблемы, определенной черты эпохи или некоей реальной фигуры. С другой стороны, это **имя может быть в «новом» тексте семантически диффузным, расплывчатым** — особенно при отсутствии осязаемых семантических опор, направляющих вектор восприятия и оценки. Ср.:

«Немыслимо представить напечатанными черным по белому в середине 20-х годов фразы вроде „Да, я не люблю пролетариата“, „И не читайте до обеда советских газет“. <...> Процитированное „Собачье сердце“ увидело свет только в 1987 году. Но актуальности почти не потеряло: с клозетами всё обстоит по-прежнему, *Шару-*

ковых и Швондеров¹³ и сейчас пруд пруди, а вот с Преображенскими и Борментальями напряженка. Повывела советская власть настоящую интеллигенцию». [Персональный сайт GM. Знаменательные даты моей семьи. URL: <http://gm731.narod.ru/VEshKi/v1925.htm> (дата обращения: 15.03.2019)].

Если Преображенский и Борменталь названы в тексте как образцы настоящих интеллигентов, то понимание смысла, выражаемого именами отрицательных героев Булгакова, возлагается на читателя: отсутствие интеллигентности и воспитанности, пренебрежение к ценностям культуры, пустота, прикрываемая лозунгами, и т.д.

Нельзя не отметить достаточно активного использования в публицистическом тексте слов, образованных от имени Швондер и свидетельствующих о его семантической и словообразовательной адаптации — *швондеровец* и *швондерятина* (см. выше), *швондеровщина*, *швондерить*, *по-швондеровски*, *швондерята*.

Один из активных процессов русского словообразования — образование абстрактных существительных от имён собственных. С помощью продуктивного суффикса *-щин(а)* отвлеченные слова с отрицательной окраской образуются «от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность»; ср.: *обломовщина*, *карамазовщина*, *аракчеевщина* [31. С. 121—122]¹⁴. В следующем контексте проявилось восприятие Швондера как контролирующей инстанции, переданное с помощью лексемы *швондеровщина*, усиливающей отрицательную оценку вмешательства в дела семьи и установления контроля над ней со стороны общественных организаций:

«Уполномоченный по правам ребенка при президенте России Павел Астахов осудил попытки на законодательной основе поставить российские семьи под контроль общественных организаций» [Максим Хрусталеv. Контроль над семьей — «это швондеровщина какая-то»]¹⁵.

Действовать «по-швондеровски» — ‘реализовать некие директивы, не считаясь с последствиями своих действий для других; решительно и без исключений’ — так, вероятно, можно трактовать образованное от имени собственного наречие:

«В наше такое вот непростое время лучше держаться дальше от политики, „не читать до обеда советских газет“. <...> Но не всё так просто. Мерзкая, грязная политика

¹³ Имя Швондера весьма часто встречается в сочетании с именем Шарикова, и, хотя имя Чугункина-Шарикова может обогатить текст иным содержанием, важным оказывается как позиция обоих героев «по одну сторону» в противостоянии медицинской интеллигенции, так и яркая отрицательная окрашенность, придаваемая ими вторичному тексту. Ср.: Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой. С бандитской силой тёмною. С чиновною ордой. С потомками и преемниками шариковых и швондеров (Сергей Кухлевский. Похож ли Путин на Гагарина // Интернет-альманах «Лебедь». 12.07.2003).

¹⁴ Этот суффикс не утрачивает своей активности и сейчас. Ср.: «Не соблазняйте ярлыками! никто не дразнился раньше — *есенинщина*, *ахматовщина*, *мандельштамщина* и т.д. ярлыковщина — это пошлость „спешно обобщать“» (В. Тиньков. URL: https://vk.com/wall80032495_60132 (дата обращения: 7.03.2019)). Этот ряд можно продолжить обнаруженными нами словами *бродсковщина*, *окуджавщина*, *ходорковщина* и др.

¹⁵ URL: http://www.km.ru/news/kontrol_nad_emej_-_eto_shvonder (дата обращения: 7.03.2019).

продолжает просачиваться в повседневную жизнь. Сначала она залезла к нам в холодильник, лишив вкусного сыра. *По-швондеровски* проехала бульдозером по польским ароматным яблокам. А уже сегодня — не позволяет наслаждаться футболом» [О политике в холодильнике и футбольных фанатах. URL: <https://76.ru/text/health/177936787558400.html>].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируемый материал — тексты, почерпнутые из сети Интернет и Национального корпуса русского языка, — показывает, что прецедентное имя Швондер, осваиваемое говорящими и на словообразовательном уровне, является экономным и ярко-экспрессивным (в том числе за счет эвфонической стороны) средством, способным реализовать широкий спектр разнообразных семантических оттенков, определяемых, безусловно, возможностями прочтения булгаковского текста, но с известной долей коррекции, вносимой, во-первых, событиями сегодняшней жизни, порождающими аллюзии к персонажу «Собачьего сердца» и его чертам, но в большей степени — к поступкам, и, во-вторых, индивидуальным сознанием говорящего, находящего всё новые возможности трактовки образа Швондера и привлекающего имя для выражения своей позиции относительно предмета речи, иронического или пренебрежительного отношения к нему.

Имя Швондера выступает часто не изолированно от иных имен персонажей повести «Собачьего сердца», а в соседстве с именами Преображенского и Борменталя, что позволяет очертить некий конфликт — например, интеллигентности и хамства, образованности и невежественности и проч. Через сочетание «*Швондер — Шариков (Шариковы)*» делается акцент на типичности явления, ассоциируемого с именами двух героев, различиями между которыми говорящие обычно пренебрегают.

Отсылка к образу Швондера при отсутствии иных экспрессивно-оценочных и семантически-ключевых слов, раскрывающих доминантную семантику текста, уже гарантирует как минимум высокий накал экспрессии и ощутимую степень негативной оценки, но заставляет при этом читающего задуматься еще раз над глубиной когда-то вложенного М. Булгаковым в художественный текст смысла.

© Селиверстова Е.И., 2019

Дата поступления: 01.03.2019

Дата приема в печать: 20.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. (Лингвистическое наследие XX века).
2. *Масленникова А.А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
3. *Арнольд И.В.* Интертекстуальность — поэтика чужого слова // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 350—362.
4. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.

5. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Агаф, 1997.
6. Кураш С.Б. Усложненное кодирование образной информации как аспект филологического анализа художественного текста. Мозырь, 2003.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
8. Брагина Н.Г. Имплицитная информация и стереотипы дискурса // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 43—57.
9. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства. М., 1996.
10. Захарченко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82—103.
11. Постнова Т.Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 105—116.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
13. Коньков В.И., Потсар А.Н., Сметанина С.И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития // Современная русская речи: состояние и функционирование: сборник аналитических материалов. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 67—81.
14. Ржанова С.А. Оценочный характер узуса в СМИ // Язык, литература, культура: диалог поколений: сб. науч. ст. Чебоксары: Изд-во ЧТУ, 2004. С. 120—124.
15. Воронцова Ю.А. Особенности прагматического воздействия в текстах средств массовой коммуникации // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Матер. Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24—26 апр. 2007 г.: в 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 680—686.
16. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 95—99.
17. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
18. Косиченко Е.Ф. Особенности функционирования культурно значимых антропонимов в художественном тексте // Вестник МГЛУ. Вып. 18 (678). 2013. С. 94—103.
19. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. 1966. № 2. С. 54—66.
20. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
21. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988.
22. Мецзякова-Клабахер В.А. Прецедентность как средство характеристики антропонимов (на материале номинаций писателей в немецких газетно-журнальных текстах // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. 6 (171). С. 90—94.
23. Воронова И.Б. Антропонимы как ключевые слова в художественной прозе В.М. Шукшина // Шукшинские чтения. Волгоград, 1998. С. 36—39.
24. Гайбарян О.Е. Художественные функции имен собственных в прозе Г.Г. Газданова // Проблемы региональной ономастики. Матер. 2-й научно-практ. конф. Майкоп, 2000. С. 66—69.
25. Ратникова И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск: БГУ, 2003.
26. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 96—102.

27. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000.
28. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург, 2007.
29. *Бондалетов В.Д.* Имя собственное в поэтических произведениях М.Ю. Лермонтова // *Тарханский вестник*. 2000. Вып. 11. С. 29—41.
30. *Терещенко А.В.* Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // *Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin)*. 2016. 11 (176). С. 76—84.
31. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е. М.: Русский язык, 2001.

УДК 811.161.1'373:070

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-402-417

THE PRECEDENT NAME IN THE MASS MEDIA TEXT: IMAGE OF SHVONDER AS A MEAN OF CHARACTERIZATION AND ESTIMATION

Elena I. Seliverstova

St. Petersburg State University

7/9, *Universitetskaya emb., St.-Petersburg, Russia, 199034*

Abstract. The precedent phenomena, to which the names of the heroes of literary works belong, are very typical for modern journalistic texts “charged primarily with negative emotions” (V.I. Shakhovskiy) using indirect estimation methods: brief and expressive, with a wide range of connotative and associative links, they become an emotionally evaluative component of the text. Colorful — not only for the twenties of the XXth century — the figure of M. Bulgakov's novel “The Heart of a Dog” Shvonder firmly settled in the modern gallery of precedent literary names. Russians define a very wide variety of typical traits of individuals and their behavior, as well as social phenomena, verbalized by the words Shvonder (Shvonderiy), shvonderovschina, to shvonder, etc. The main vectors of comprehension come to light on the material of the texts from the National Corpus of the Russian language and Internet resources, which shows the tendency to use the subject's name as a way of indicating the manifestation of one important feature in his behavior — and, accordingly, in the behavior of someone else (Shvonder — “hater of the intelligentsia”, “vindictive”, “symbol of imaginary employment”) or a characteristic act committed by him, which becomes a kind of standard (Shvonder is “the destroyer of the old good world”, “the requisitor of another's housing”, “rejects the values accumulated by society in the past”, etc.). Through the combination “Shvonder — Sharikov” the emphasis is placed on the typicality of the observed phenomenon, on the ideological and party affiliation, etc. The name Shvonder often appears in combination with the names of other characters — in particular, Preobrazhensky and Bormental, — when a modern author outlines a conflict between bad manners (rudeness) and intelligence, ignorance and education, empty rhetoric and real actions, etc. The speakers find all the new possibilities of interpreting the image of Shvonder and use this name, like other new words with the same root, to express their position on the subject of speech, ironic or dismissive attitude to it. On the other hand, the precedent name may be semantically diffuse and vague in the “new” text, but it's magnetized with special connotations and serves to enhance the ironic, negative-evaluative coloring of the secondary text and makes various interpretations possible. Even in the absence of specific words that reveal the dominant semantics of the text fragment, the very use of the Shvonder's name already guarantees at least a high level of expression and a tangible degree of negative estimation.

Key words: precedent name, M. Bulgakov, image, derivational model, estimation, connotation, mass-media

REFERENCES

1. Wolf, E.M. (2002). Functional semantics of evaluation. Ed. 2nd, add. Moscow: Editorial URSS. (Linguistic Heritage of the 20th Century). (In Russ.).
2. Maslennikova, A.A. (1999). Linguistic interpretation of hidden meanings. St. Petersburg: Publishing House of St.-Petersburg. University. (In Russ.).
3. Arnold, I.V. (1999). Intertextuality — the poetics of another word. In *Semantics. Stylistics. Intertextuality: Collection of articles, Scientific. P.E. Bukharkin* (Eds.). St.-Petersburg: Publishing House of St.-Petersburg. University Press. 350—362. (In Russ.).
4. Bakhtin, M.M. (1975). Questions of literature and aesthetics. Moscow: Art. lit. (In Russ.).
5. Rudnev, V.P. (1997). Dictionary of culture of the XX century. Moscow: Agaf. (In Russ.).
6. Kurash, S.B. (2003). Complicated coding of figurative information as an aspect of the philological analysis of a literary text. *Mozyr*. (In Russ.).
7. Karaulov, Yu.N. (2007). Russian language and language personality. Moscow: Publishing House of LCI. (In Russ.).
8. Bragina, N.G. (1999). Implicit information and stereotypes of discourse. In *Implicitness in language and speech, E.G. Borisova, Yu.S. Martemyanov* (eds.). Moscow: Languages of Russian culture. pp. 43—57. (In Russ.).
9. Zemskaya, E.A. (1996). Active processes of modern derivation. Moscow. (In Russ.).
10. Zakharchenko, I.V., Krasnykh, V.V., Gudkov, D.B. & Bagaeva, D.V. (1997). Precedent name and saying as precedent phenomena. In *Language, consciousness, communication: Coll. articles. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov* (eds.). Moscow: “Philology”. Vol. 1. pp. 82—103. (In Russ.).
11. Postnova, T.E. (2001). Precedent texts in print advertising, *Vestnik of Moscow State University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 2*, 105—116. (In Russ.).
12. Slyshkin, G.G. (2000) Linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow. (In Russ.).
13. Konkov V.I., Potsar, A.N. & Smetanina, S.I. (2004) Language of media: current state and development trends // *Modern Russian Speech: State and Functioning: Collection of Analytical Materials*. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. pp. 67—81. (In Russ.).
14. Rzhanova, S.A. (2004) Estimated nature of the uzus in the media. In *Language, literature, culture: the dialogue of generations*. Cheboksary: Publishing house CTU. pp. 120—124. (In Russ.).
15. Vorontsova, Yu.A. (2007) Features of pragmatic influence in the texts of mass media // *Russian literature in the context of modern integration processes: Mater. Second Intern. Scientific Conf., Volgograd, April 24—26. In 2 vol. Vol. 1*. Volgograd: VolSU Publishing House. (In Russ.).
16. Kormilitsyna, M.A. (2008). Some results of the study of the processes occurring in the language of modern newspapers. In *Problems of speech communication: Intercollege. Coll. of Scientific Articles, M.A. Kormilitsyna O.B. Sirotinina* (Eds.). Saratov: Publishing House of Sarat. University. Vol. 8. pp. 95—99. (In Russ.).
17. Gudkov, D.B. (2003). Theory and practice of intercultural communication. Moscow. (In Russ.).
18. Kosichenko, E.F. (2013). Functional aspects of cultural names in fictional texts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 678*, 94—103. (in Russ.).
19. Mikhailov, V.N. (1966) Expressive properties and functions of proper names in Russian literature. *Philological sciences, 2*, 54—66. (In Russ.).
20. Superanskaya, A.V. (1973). The general theory of a proper name. Moscow. (In Russ.).
21. Gorbanevsky, M.V. (1988). Onomastics in fiction: Philological studies. Moscow: Publishing House of People’s Friendship University. (In Russ.).
22. Meshcheryakova-Klabakher, V.A. (2016). Precedent phenomena as a means of characterizing anthroponyms (on the material of writers' nominations in German newspaper and magazine texts. *TSPU Bulletin, 6 (171)*. 90—94. (In Russ.).

23. Voronova, I.B. (1998). Anthroponyms as keywords in fiction by V.M. Shukshin. In *Shukshin readings*. Volgograd. pp. 36—39. (In Russ.).
24. Gaybaryan, O.E. (2000). Artistic functions of proper names in prose by G.G. Gazdanov. In *Problems of regional onomastics. Reports of the 2nd scientific and practical conference*. Maikop. pp. 66—69. (In Russ.).
25. Ratnikova, I.E. (2003). Proper name: from cultural semantics to language. Minsk: BSU. (In Russ.).
26. Madieva, G.B. & Suprun, V.I. (2010). Anthroponyms as a means of expressing national culture. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 5, 96—102. (In Russ.)
27. Suprun, V.I. (2000). Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential: monograph. Volgograd: Change. (In Russ.).
28. Nakhimova, E.A. (2007). Precedent names in mass communication: monograph. Ekaterinburg. (In Russ.).
29. Bondaletov, V.D. (2000). Proper name in the poetic works of M.Yu. Lermontov. *Tarkhansky Vestnik*, 11, 29—41. (In Russ.).
30. Tereshchenko, A.V. (2016). Precedent names in modern Russian and English languages: status, semantics, features of functioning. *TSPU Bulletin*, 11(176), 76—84. (In Russ.).
31. Vinogradov, V.V. (2001). Russian language (grammatical doctrine of the word). Moscow: Russian language. (In Russ.).

Для цитирования:

Селиверстова Е.И. Прецедентное имя в публицистическом тексте: образ Швондера как средство характеристики и оценки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 402—417. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-402-417.

For citation:

Seliverstova, E.I. (2019). The precedent name in the mass media text: image of Shvonder as a mean of characterization and estimation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 402—417. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-402-417.

Сведения об авторе:

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета; *научные интересы*: русская и славянская фразеология и паремиялогия, лексикология, лингвокультурология, лингвистика текста, компаративные исследования и проблемы перевода, культура русской речи; *e-mail*: selena754@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2020-0061>. ResearcherID: N-2892-2013. SPIN-code: 2032-2115

Information about the author:

Elena I. Seliverstova, Doctor of Philology, Professor, Professor and Acting Head of Russian Language Department for Humanitarian and Natural Faculties; St. Petersburg State University. *Interests*: Russian and Slavic phraseology and paremiology, lexicology, linguocultural studies, text linguistics, comparative studies, translation and interpretation studies; culture of Russian speech; *e-mail*: selena754@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2020-0061>. ResearcherID: N-2892-2013. SPIN-code: 2032-2115